

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses with white outlines, set against black, stylized branches and leaves on a white background. The roses are in various stages of bloom, from small buds to large, fully open flowers.

Михаил Пономарев

Красная статуэтка

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Пономарев
Красная статуэтка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пономарев М. С.

Красная статуэтка / М. С. Пономарев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Вполне вероятно, что место, где вы находитесь сегодня, вас не совсем устраивает. Начиная от ландшафта, заканчивая деталями, в которых живут демоны прошлого. Это нельзя просто принять. Убежать тоже нельзя. Содержит нецензурную брань.

Красная статуэтка

Дни свидетеля

Город все сильнее давил на Свитовского, с каждым днем стирал с его лица живость, а затем отправлял опустошенное тело в кипящие массы. Жизнь, вроде бы как раньше, шла своим чередом: учёба в университете, встречи с друзьями, которые обычно заканчивались пьяным дебошем, семья, место в пустой комнате... Но в последнее время внутри у Свитовского становилось дико пусто. Ему хотелось то с воплями разорвать самого себя, то уединиться в бункере на долгие и долгие годы. Этому странному юноше было 19. На своё настоящее имя Борис он не привык откликаться, потому что все и всегда называли его по фамилии, которая, между тем, ему очень нравилась. В ней была какая-то польская изюминка, пленявшая с первого произношения. Борис Свитовский не помнил с каких времен стал откликаться на фамилию -на это ему было решительно наплевать. Гораздо большее беспокойство вызывали мешки под глазами, слабость, безразличие к происходящим в собственной жизни событиям. Симптомы очередной глупой болезни, появившейся вовсе не к месту или простой усталости вызывали у него небольшую досаду. Психическими расстройствами Свитовский никогда не страдал, хотя и бывали изредка акты самобичевания на почве привязанности к памяти. Но это уже, что называется, "издержки производства"

Начинался июнь. Борис планировал быстро закрыть все долги по учёбе и уехать подальше от этой "искусственной жизни". Он мысленно сравнивал окружающий быт с цветами: "Живым людям дарят живые и свежие цветы, а мёртвым чаще всего пластмассовые. Когда даришь, например, девушке цветы, то она радуется и испытывает ощущения, которые смогут запомниться надолго. Важно ещё выбрать, опять же к примеру, розы её любимого цвета, чтобы этот, хоть и совершенно бесполезный букет, создал иллюзию счастья. Мёртвым же всё равно, что дарить. Когда им выбирают цветы, то делают вид, что думают о практичности и красоте, в действительности же – просто для того, чтобы унять свои внутренние предрассудки или что там ещё. Тошнотно глупо. С каждым днём я всё больше замечаю всеобщее наплевательское отношение. Как будто окружающим людям в одночасье стало наплевать на всё сущее, а вся активность – просто распределение ролей, происходящее, что называется, для порядка" – рассуждал Свитовский.

19 июня студент наконец-то расквитался с последним преподавателем и небывало счастливым отправился на каникулы. Что может быть лучше, чем свобода, даже такая нелепая, не подходящая ни под одно из определений этого слова. Свитовский действительно пришёл домой в приподнятом настроении. Ему хотелось заняться каким-нибудь творчеством, тем самым оправдать свои скучные дни. Но, проснувшись утром на следующий день, он понял, что всё идёт вовсе не по плану. Желание стать творческой личностью полностью улетучилось, вместо него появилась головная боль и слабость. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Бориса.

"Надо валить! Проволяюсь овощем весь "отпуск" дома или где-нибудь за бутылкой. Скорее стану пустым местом, чем займусь воплощением мечты. Как бы..." – думал Свитовский.

Нутро его поднялось на дыбы. Он поразил сам себя, начав перебирать в голове возможные для путешествия места, в которых он был и не был. Сначала в голову лезли утопические пейзажи, райских уголков с чистыми озерами и горами, но все было не то. Свитовский дал себе немного помечтать чуть ли не об островах в океане. Вдруг как выстрел мелькнула мысль о деревне. Удивительно, что он сразу не вспомнил о лучшем в мире месте для восстановления гармонии: именно такой отпечаталась деревня в памяти ещё маленького Бори, и этот отпечаток не стерся с течением времени, а с каждым годом лишь чаще и чаще напоминал о себе. Обычно так бывает, когда из жизни исчезают чрезвычайно важные вещи, только формально казавшиеся не важными, но после своего исчезновения обретающие чрезвычайную ценность. "Ну, значит деревня..." – мысленно воодушевился Свитовский.

-Боря, я ушла до магазина! – донёлся голос матери из коридора. – Ты сегодня никуда не собираешься?

– Ещё не знаю. Сегодня, наверное, нет, – крикнул он в ответ.

– Все тогда, давай.

Дверь захлопнулось, и в квартире стало жутковато тихо.

"Сказано – сделано. – решил Борис, – Но у кого я там остановлюсь? Близкие родственники, которых там знал с детства, кажется, уже давно умерли, а остальных даже не помню толком. Ну да ладно. Может квартиру или домик сниму. А может даже и наш старый дом уцелел. Надеюсь."

Он наскоро поел и начал собирать вещи. Головная боль, появившаяся при пробуждении, незаметно исчезла. Свитовскому даже стало казаться, что он стоит на пороге великого события, судьбоносного перелома. Должно было случиться что-то непременно уникальное, способное в корне поменять его иерархию ценностей и интересов. Свитовский достал спортивную сумку и портфель с верхней полки шкафа и начал укладывать вещи. "Что мне нужно будет в первую очередь? – думал он, пытаясь представить себя в других условиях, – Одежда и деньги." Несмотря на июнь за окном всё – таки решил взять тёплые вещи.

Примерно через час одежда и прочие походные примочки были собраны. Свитовский, сидя на кровати, пытался вспомнить окружающую местность своей деревушки, но перед глазами мелькала картинка искусно раскрашенной избы, которую в детстве он там часто видел. Из недр его памяти всплывал и другой домишко на фоне поля с пасущимися коровами. Кажется, в нём он тогда жил с бабушкой.

Дело, как думал Свитовский, оставалось за малым: посмотреть расписание транспорта и сходить в магазин за продуктами. Сначала он решил разобраться с транспортом. Пересмотрел кучу рейсов автобусов и электричек, попутно завтракая. На часах было около полудня. После долгих поисков Борис кое – как разобрался с маршрутом: сначала электричка, потом, возможно, автобус или как получится. После того как первый вопрос был решён, он отправился в магазин. Оттуда пришёл с печеньем, бутылкой воды и тремя упаковками лапши быстрого приготовления. Всё это Свитовский засунул в портфель, а после лёг на диван и с облегчением вздохнул. "Скорее бы завтра, – думал он, – Хотя с чего я вообще туда сорвался? Ну да ладно. Надо же когда-то начинать менять свой похмельно-домоседческий образ жизни. Прямо как в фильме. Парень решает все поменять и разрывает оковы будней. Просто готовое предисловие к очередному низкосортному фильму!" В размышлениях Свитовского царил полный хаос. В последнее время он почти перестал читать и о чем – либо думать. Раньше саморазвитие доставляло ему просто огромное удовольствие. Будто бы был камнем и пытался выточить из себя человека. В последнее же время Борису хотелось, как он сам выражался, "исчезнуть в никуда" или "зарыться под землю".

Заняться сейчас было решительно нечем, и, скорее от отсутствия пищи для дальнейших рассуждений, Свитовский решил открыть книгу, которую сам же купил месяц тому назад. Но обстоятельства сложились иным образом, в результате чего "Мой любимый sputnik" бессмысленно пылился на полке. "Где то слышал, что это чтиво про лесбиянок, – усмехнулся про себя Борис, открывая книгу, – Интересно, интересно. От такого, я пожалуй не откажусь." Он начал читать. На 32 странице глаза начали закрываться, чему Борис сопротивляться не стал, а закрыл книгу и ушёл в царство сна.

Когда Свитовский открыл глаза и посмотрел на часы, было уже 18-30. Он решил перекусить и пойти прогуляться. Звуки, доносившиеся с кухни, говорили о том, что мама уже дома. Борис вспомнил о своём намерении завтра уехать и тут же решил сообщить ей об этом.

– Выспался, вечно уставший? – спросила мать, как только он вошел на кухню.

– Да. Неужели... Делать нечего больше. Я решил, что до деревни съезжу. Завтра поеду. В городе всё равно нечем заняться. На недельку примерно, – спросонья сообщил Борис.

– С чего ты туда собрался? На дачу бы лучше съездил. Там хоть есть, где жить. А в этой деревне ты никому не сдался. Хочешь, конечно, езжай, но, как по мне, там даже дальних родственников не осталось.

– Найду домик или квартиру. Сниму. А так... Надо же корни свои вспомнить. Да не знаю. Особо никуда не хочу. Везде тошно. Еду ради интереса.

– Езжай, езжай. Завтра рано с утра?

– Да. На такси до вокзала и там дальше. Посмотрел дорогу уже.

– Хоть бы всё нормально было, – со странной, как бы сострадающей насмешкой и укором сказала мать, – Не потеряешься? А то и там умудришься с местными алкоголиками побрататься. Тебя ведь только так из стороны в сторону кидает.

– Да ну тебя, – закатил глаза Борис.

– Есть собрался?

– Перекушу, да пойду прогуляюсь. Как в кунсткамере тут.

Свитовский наскоро поел, оделся и вышел на улицу. Сочный и тёплый вечерний воздух обнял его со всех сторон. Стала даже ощущаться неожиданная лёгкость в теле. Он достал сигареты и закурил. Думать о том, в какую сторону идти совсем не хотелось, поэтому он, медленно, но жадно затягиваясь, двинулся прямо. Мимо него шагали знакомые дома, магазины, детские площадки, скучая без внимания. На улице было достаточно светло, что, впрочем, было неудивительно: примерно в эту неделю бывают самые длинные световые дни в году.

"Жаль мы не встречаем рассветы вдвоём, – барахтаясь в своих воспоминаниях, думал Свитовский, – Но я всё помню. Только хуже становится." Старые воспоминания подобрались неожиданно, разбудив в нем привычное желание, называемое им довольно лаконично: "напиться и забыться". Но мысль о предстоящей поездке не дала этого сделать. Глядя в землю, он забрёл в один из немногочисленных дворов без отдыхающих с пивом и шашлыками и кричащих детей. Борис сел на скамейку и подкурил последнюю сигарету. "Последняя отрада кончилась," – с досадой буркнул он себе под нос и выбросил в мусорку пустую пачку вместе с зажигалкой. Мелкие обрывки недодуманных мыслей хаотично пролетали в голове Свитовского. Словосочетания из некогда им придуманных "стишков", недавние события, логические цепочки из размытых элементов... Будто разноцветные нити сплетались в канат, который попросту растекался по полу, а потом начиналось заново. Именно так выглядел этот мыслительный процесс.

Посидев немного во дворе, Борис решил вернуться домой, посмотреть фильм и лечь спать, чтобы завтра проснуться как можно раньше, к тому же с полным запасом сил. Любой, даже небольшой план, постоянно побуждает к действию. Гораздо проще работать и наслаждаться каждой секундой если знаешь, что нужно делать. Свитовский встал со скамейки. И не спеша побрёл домой.

Вернувшись в свой, как Борис сам выражался, "храм сыча", он сразу же включил первый попавшийся артхаус и кинулся на кровать. "Надо бы пораньше." – подумал Свитовский, выставляя будильник на "8-00" с повтором через каждые последующие 5 минут. К середине картины зритель уже мирно спал.

Далеко и надолго

Звон будильника разрушающей волной проник в глубины сна. Свитовский несколько минут выбирался из— под власти скомканных сновидений, которые все никак не хотели отпустить его. Но вдруг он вспомнил о своей запланированной со вчерашнего дня поездке. Не открывая глаз, Борис встал с кровати и, слегка пошатываясь, пошёл в душ. Холодная вода быстро взбудрила дремлющие рецепторы, что все происходящее стало казаться до ужаса реальным. Недавние воспоминания в одночасье стали для Бориса далекими и холодными, как будто это было лишь странное выступление перед несуществующей публикой. "Даже вещи выглядят паршиво одиноко, — думал он, — Какой это писатель там ещё говорил про априорность человеческого одиночества? Да и чёрт с ним. Надо быстрее собираться."

После душа Свитовский плотно позавтракал оперативно приготовленным омлетом. Особого аппетита, конечно, не было, но он ел через силу, зная, что в дороге накрыть не получится. Часы показывали "8-57". Борис оделся и заказал такси к отъезду через 20 минут. Портфель и сумка были полностью укомплектованы. В них было, кажется, все необходимое: от наушников до печенья. Свитовский подумал, что надо бы сказать маме об отъезде. После недолгих раздумий он решил все же разбудить её.

— Мам, я выезжаю через 20 минут, — полушёпотом проговорил Борис.

— Понесла ж тебя нелёгкая, — полусонно ответила она и открыла глаза, — Провожу тебя.

Она неторопливо встала с кровати и пошла умываться.

Борис начал ходить кругами по комнате, сосредоточенно о чём-то думая. Щель между задернутыми шторками пропускала яркий луч солнца, который слепил ему глаза. День за окном казался более чем благоприятным для поездки. Хоть дорога до деревни не была чем-то особенным, но Свитовский все же придавал ей особое значение, как будто от этого зависела его дальнейшая, уже предсказанная судьба. "Ладно, — подумал он, — надо выходить."

Борис перенёс сумки к порогу и начал надевать кроссовки.

— Борь, подожди. Помчался уже. Еда у тебя есть? Всё уже взял?

— Да взял, взял!

— Давай аккуратно. Хорошо?

— Ну начались советы... Знаю. Давай пока. Если что — набирай.

— Сам тоже звони: как доехал, как жильё нашёл. В забытое богом захолустье едешь всё — таки.

— Да понятно уже.

— Ну все, пока...

Борис взвалил на себя сумку и портфель и вышел из квартиры.

День обещал быть жарким. Было приятно оказаться на улице утром, когда воздух ещё не успел сильно нагреться и хранил в себе ночную свежесть. Свитовский стоял у подъезда как гружёная кляча и подставлял лицо под нежные солнечные лучи. Только одно обстоятельство

омрачало прекрасный момент. Не было сигарет. Впрочем, даже это не было такой уж глобальной проблемой.

Через пару минут подъехало такси. Борис сел в машину, поздоровался с водителем, водитель поздоровался с ним – на этом диалог закончился. "Молчание – золото, когда едешь в такси, нечего тут добавить. Такие кадры тут попадаются..." – радостно думал пассажир.

До вокзала доехали минут за 15. Свитовский расплатился и вышел. Ему предстояло впервые в жизни купить билеты на электричку. Однако ничего сложного в этом не оказалось, ведь маршрут был полностью спланирован заранее. Нужный поезд выезжал с вокзала только через 30 минут, в течение которых Борис купил сигареты и посидел на перроне.

Электричка прибыла ровно в назначенное время. Началась оперативная посадка. Как ни странно, но народу было мало – половина скамеек в вагоне даже после посадки оставалась пустой. "Тем лучше, – обрадовался Свитовский, – хоть не с дачниками. Ещё лучше – совсем без людей."

Электричка неохотно сдвинулась с места и начала набирать скорость, ритмично постукивая колёсами и устраивая качку, как в детской колыбели. Большинство людей в вагоне дремали. Они будто бы сели на первый попавшийся рейс, зная, что тут спокойно и можно отдохнуть. Царило молчание. Никому даже в голову не приходило перекинуться парой слов с попутчиком. Каждый получал удовольствие от атмосферы, от мгновения. Лето, утро, электричка, стук колёс и мерное покачивание. В самом деле – колыбель. Борису даже стало немного завидно, что он ещё не разделяет всеобщую гармонию. Самым грамотным решением было вздремнуть. Так он и сделал. Включил в наушниках музыку, способную вызвать у него тёплые чувства, даже грусть. Свитовский удобно развалился на сидении и задремал.

Ему снилась *она*. Это был страшный сон: один из тех ужасов, в которых пытаешься найти дверь, ведущую в реальность, что кажется попросту невозможным. Такие кошмары Свитовский переносил трудно, но был рад им как вновь обрётённому смыслу жизни. Он был похож на наркомана, принимающего новые, но последние дозы, зная, что их организм уже не выдержит.

Людей в вагоне стало вдвое меньше. Было странно, что в разгар летнего сезона так мало народу едет на природу, на дачи и в сады. Пейзаж за окном радовал отсутствием пыльных домов и машин. На десятки или даже больше километров вокруг железной дороги расстилались поля и редкие клочки лесов. Пугающие своим масштабом площади необъятной родины скучали в тишине, изредка нарушаемой размеренным стуком колёс электрички.

Свитовский понемногу отошёл от состояния полудрёмы, но энергии в теле почему-то не прибавилось. Наступило состояние бессилия, почти паралича. Вдруг вспомнил он про предусмотрительно захваченную книгу. Борис достал из портфеля роман: на обложке красовалась ярко-красная надпись "Мой любимый sputnik". Ехать до нужной станции оставалось около 3 часов, поэтому чтение оказалось лучшим вариантом убить оставшееся время.

В книге – любовный треугольник и мистика. Услышав об этом заранее, Свитовский даже в руки не стал бы брать такое писательское чудо. Однако Мураками попал в нужную болевую точку: японская история сильно задевала нутро. Текст был пропитан дикой отчуждённостью и, будто бы, одиночеством всего мироздания. По крайней мере так казалось Борису. Вообще человек обречён на то, чтобы всё проецировать на свою собственную жизнь: по такому принципу работают приметы, суеверия и вся остальная чушь. Другого пути просто нет. Свитовский невольно начал сравнивать замкнутость действительного и книжного миров. Атмосфера книги перекочевала в его мысли. " Писатель сам выставляет границы выдуманного мира. На бумаге он может играть и временем, и пространством как захочет. Может даже это вовсе единственный способ одолеть силу времени. Да с чего вдруг мне это нужно? Ох стишок бы про это. Смешно..." – размышлял он и вспомнил свои неказистые стихи. Свитовский считал, что его творчество ничего не стоит, назови Белым стихом, синквейном или верлибром – строки все

равно останутся убогими. Раньше он много писал. Потом ненавидел себя будто бы за то, что раскрыл секрет, выразив чувства на бумаге. Потом опять писал. Но последующее чувство безразличия полностью заглушило в нем все внутренние конфликты и творческие порывы.

Свитовский продолжил читать. Ему хотелось запрыгнуть в другой мир и обнять Сумирэ, Поболтать с ней за вечерним кофе сигаретой. "Она бы точно поняла, – думал Борис, – хорошая... Даже не потому, что девушка. Просто как человек..." Это Ваши размышления о Мураками?

Пока Борис читал, электричка медленно, но верно приближалась к цели. И вот вагоны уже медленно остановились на станции. Вместе со Свитовским вышло ещё несколько человек.

Солнце пекло уже в полную силу. Было достаточно жарко, но лёгкий ветер благо спасал от духоты. Вокзал, который лишь с натяжкой можно было назвать таковым, выглядел бедно и был похож на большой сарай. Борис быстро прошёл через него и оказался прямо у автобусной остановки. Вышедшие с вокзала люди разошлись в разные стороны, осталась только одна женщина преклонного возраста, также ожидающая автобуса. На остановке висел ржавый щит с расписанием маршрутов. Краска на нем была изрядно потёрта временем, из-за чего Свитовский с большим трудом смог разобрать нужный ему 410-й номер. Время прибытия написано не было. "Ясно, – с досадой заключил Борис, – может хоть эта женщина знает, как здесь все устроено."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.